

«БОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК» АРМЕНИИ! ГРАНИЦЫ «МИРОВ» ТВОРЧЕСТВА А. БИТОВА

Г. Т. ГАРИПОВА
МГПУ, РУДН
ggaripova2017@yandex.ru

В статье анализируются принципы моделирования образа Культуры через буквенную «семантическую Вселенную» армянского алфавита в творчестве русского писателя А. Битова. Автор исследует миро-приемлющее и миротворческое начало диалога культур и сознаний в «Уроках Армении» в контексте русской литературы XX века, референциально фиксирующей те же самые буквенные знаки национальных историй, связанных с нарративом катастрофы XX века. На материале произведений А. Битова, П. Алешковского, Хамида Исмаилова, Сухбата Афлатуни прослеживаются буквенные коннотации образа транскультурного мира – «свое через чужое/чужое через свое».

Ключевые слова: Михаил Амирханян, Армения, алфавитная «семантическая Вселенная», буква, слово, А. Битов, Сухбат Афлатуни, Хамид Исмаилов, Петр Алешковский.

Памяти Михаила Давидовича Амирханяна

«Как, если не через русский язык, мы будем представлять миру армянскую культуру» [2], – писал известный армянский ученый Михаил Давидович Амирханян. В своих трудах «Россия и Армения: Очерки русско-армянских литературных отношений» (Ереван, 2000) и «Армения в зеркале русской поэзии» (Ереван, 2021) он подчеркивает парадоксальную особенность русско-армянских литературных связей, основанных на принципе диалогизма «свое через чужое / чужое через свое».

И словно вступая в диалог с Михаилом Давидовичем, вторит его идее русский писатель Андрей Битов: «Ереван – моя азбука, мой букварь, мой каменный словарик-разговорник. Слева – по-армянски, справа – по-русски. Только слова в беспорядке. Рядом с А – автома-

том – Ш – шашлычная. А Б – базар – совсем на другой улице, через несколько страниц.

Я шуршу страницами кварталов, улиц и площадей в поисках Р – редакции, Д – друга, Ж – жилья и П – просто так. Это мой русско-армянский словарь.

Но если бы я знал армянский и мог пользоваться Ереваном как армяно-русским словарем, порядка, конечно, было бы не больше» [3, с. 18].

«Эстетический шифр» А. Битова основан на психологизме его прозы, а точнее, на игре психологизмом, строящейся на использовании таких аналитических приемов, как внутренний монолог, исповедь, самоанализ, метафора и т. д. Для битовского стиля характерно вплетение в канву реалистического повествования сюрреалистических элементов (сновидения, опьянение, безумие), фантастических (превращения, телепортация), постмодернистских (словесная игра, вживление чужих цитат, перифразов, разорванность повествования, заикленность на одних и тех же фразах).

Исследуя особенности современного литературного процесса, Х. Ортега-и-Гассет анализирует новый стиль и выделяет «определенные взаимосвязанные тенденции, а именно: 1) тенденцию к дегуманизации искусства; 2) тенденцию избегать живых форм; 3) стремление к тому, чтобы произведение искусства было произведением искусства; 4) стремление понимать искусство как игру и только; 5) тяготение к глубокой иронии; 6) тенденцию избегать всякой фальши и, в связи с этим, тщательное исполнительское мастерство, наконец; 7) искусство... чуждое какой-либо трансценденции» [6, с. 237].

Ряд этих тенденций можно обнаружить в эстетике А. Битова, использующего «эстетический шифр» постмодерна и всего новейшего искусства, яркой особенностью которого, по Х. Ортега-и-Гассету, является «инверсия эстетического процесса», проявившаяся в использовании метафорических приемов, позволяющих «освободиться от <...> внепоэтических, или реальных, покровов...» и отражать не саму реальность, а лишь идеи, «которые нам удалось сформировать относительно нее» [6, с. 251].

«Сам себе – романист («роль», роман-пунктир; «Пушкинский дом»...), рассказчик, географ-историк-эссеист («Уроки Армении», «Выбор натуры»), эколог («Птицы, или Новые сведения о человеке»), литературовед («Предположение жить»), критик («Статьи из романа»)... и совсем уже неожиданно – поэт («Книга путешествий» заканчивается большим стихотворением «Пейзаж») и переводчик-фантаст

(«Преподаватель симметрии»), – добавим мы к обзору битовской прозы, сделанному Н. Ивановой в статье «Судьба и роль» [4, с. 167].

Становление концепции личности проходило в прозе А. Битова двумя этапами, что сказалось на условном разделении его прозы на «психологическую» и «путешествия», хотя есть ряд произведений, не укладывающихся в эту схему. Каждый из этапов исторически обусловлен и отражает определенные периоды не только исторической эпохи А. Битова, идейно-художественного развития его концепции личности, историософии, культуры. Открытая нравственно-философская проблематика доминирует во всем творчестве А. Битова, необычайно сложно разветвляясь внутри самой себя, доводится до анализа этических основ бытия, до психологического исследования состояния человека («психологическая проза») и состояния мира вообще («путешествия»).

В «психологической прозе» (в пласт которой входят ранние рассказы и романы «Улетающий Монахов» и «Пушкинский дом») основным объектом исследования для Битова становится образ «изгнанника» – человека, в силу исторических причин вытолкнутого из общества, отчужденного от своих корней и в силу этого разрушаемого как личность изнутри своего «Я».

В «путешествиях» писатель не оставляет попыток исследования внутреннего мира человека «на пограничье», на линии культур, поскольку другая культура для Битова, «само ее существование, – пишет Н. Иванова, – таит в себе головокружительный восторг открытия своего н е о д и н о ч е с т в а в этом мире: открытие того, что все культуры суть деревья в лесе общечеловеческой культуры, питающие и поддерживающие друг друга» [4, с. 186].

В «путешествиях» («Уроки Армении», «Грузинский альбом», «Выбор природы») Битов, наконец, обретает то ощущение реальности жизни, которой ему не хватало в «психологической» прозе. Героем для него становится не рефлексия жизни, воплощенная в образе человека, а культура, воплощенная в образе Армении или Грузии. В «путешествиях» Битов обрел свободу, вырвавшись из «кольца» сюжета, в котором осуществлял ее поиск. Отказ от «героя» (который был попыткой осуществить в образе человека связь литературы и жизни) привел к полному слиянию жизни и культуры, осуществленному в пространстве авторского сознания: автор в роли рассказчика.

Но особую роль среди всех битовских «путешествий» играют «Уроки Армении» – это особая авторская оптика в миротворческую философию библейского текста, в интертексты суфийского и каба-

листического учения: «Это великий алфавит по точности соответствия звука графическому изображению. Тут все цельно и образует круги. Цепкость армянской речи («дикая кошка – армянская речь») так соответствует ковности армянских букв, что слово – начертанное – звякнет, как цепь. И так ясно представляются мне эти буквы выкованными в кузнице: плавный изгиб металла под ударами молота, слетает окалина, и остается та радужная синеватость, которая мерещится мне теперь в каждой армянской букве. Этими буквами можно подковывать живых коней... Или буквы эти стоило бы вытесывать из камня, потому что камень в Армении столь же естествен, как и алфавит, и плавность и твердость армянской буквы не противоречат камню. (Стоит вспомнить очертания армянских крестов, чтобы опять восхититься этим соответствием.) И так же точно подобна армянская буква своим верхним изгибом плечу древней армянской церкви или ее своду, как есть эта линия и в очертаниях ее гор, как подобны они, в свою очередь, линиям женской груди, настолько всеобщее для Армении это удивительное сочетание твердости и мягкости, жесткости и плавности, мужественности и женственности – и в пейзаже и в воздухе, и в строениях и в людях, и в алфавите и в речи. В армянской букве – величие монумента и нежность жизни, библейская древность очертаний лаваша и острота зеленой запятой перца, кудрявость и прозрачность винограда, и стройность и строгость бутылки, мягкий завиток овечьей шерсти и прочность пастушьего посоха, и линия плеча пастуха... и линия его затылка... И все это в точности соответствует звуку, который она изображает.

Я по-прежнему не знаю армянского языка, но именно поэтому ручаюсь за правду своего ощущения: передо мной был только звук и его изображение, а смысл речи был за моими пределами.

Этот алфавит был создан гениальным человеком с поразительным чувством родины – был создан однажды и навсегда, – он совершен. Тот человек был подобен Богу в дни творения» [3, с. 18].

Если в «психологической прозе» автор изнутри своего героя ведет отстраненное повествование о состоянии его «я», то в «путешествиях» – изнутри культуры, через свое авторское «я» изображает состояние мира.

Армянский алфавит встраивается в общую «семантическую вселенную» битовского мира и становится способом отражения некой внутренней свободы, которой не хватало писателю в застойные года. Буквы армянского алфавита определили некое мессианское предчувствие грядущей свободы слова как знака освобождения.

Подобную мессианскую семантику несет и старик-эстонец Юку в романе Петра Алешковского «Рыба. История одной миграции». Последний житель в опустевшей деревушке Куковкино, «обломок Нутмекундии» – осознает в себе родовое начало, выступает хранителем народного миробытия. Он есть истинный Спаситель, возвращающий русскую Веру к жизни, к осознанию своей мессианской задачи. Хранимый Юку колокол с буквенным орнаментом метафорически означает призыв писателя к осмыслению исторического прошлого страны с тем, чтобы больше не повторять трагическую историю миграции/эмиграций народов. Хранитель народной памяти, *последний эстонец в Нурмекундии* [1, с. 194], он вырезал на этом колоколе эстонскими буквами имена своего рода, в надежде, что «*колокол имена раззвонит*» [1, с. 197]. Буквенный орнамент имел не декоративную функцию, а в первую очередь коммеморативную. Звучание колокола рассматривалось как проявление высшей божественной силы, как знак обращенности Бога к человеку и наоборот. Каждый колокол имел свой голос, свою музыку. Музыка колокола могла возвещать приближение сил зла и сил добра, она звучала в горе и радости, она была голосом небес и связывала человека не только с Богом, но и с его родом.

Экфрастический объект «колокол» значим как символ спасительности духовного опыта предков, живущих укорененно, способных преодолеть эсхатологию миграций, разрушающей современного человека, а с другой стороны, буквенный орнамент дает дополнительные коннотации – спасительной становится память языка, сохранение родовых корней, но в новом мире это не отменяет космоизм и единение разных наций: «Колокол был небольшой – два пуда, простой, позеленевший от времени, как древние котлы в пенджикентском музее. Внутри вся поверхность была исписана эстонскими буквами – Юку вырезал их ножом. Он прочитал мне начертанные фамилии, а потом много раз повторял этот список, и я всех запомнила: Янсены, Хурты, Милли, Мяги, Токманы, Кярты, Рийсманы, Лойки, Треуманы, Лунды, Тарвасы, Пяльсоны, Куммы, Тиннеры, Манизеры, Неллисы, Мельзеры, Адамсоны, Вага, Аустеры, Польшдманы, Хаабманы, Сульгманы, Кивимайманы.

– Кого знал, всех записал, колокол имена раззвонит.

По верху, по самому оплечью, шли буквы – кольцо эстонских и кольцо русских.

– Это – азбуки. Я подумал: мне не сказать – колокол сам все расскажет. В Хаапсалу, откуда был родом наш пастор, на колоколах

всегда писали имена, так что это не я придумал, я только азбуки добавил, эстонскую и русскую, на всякий случай, поняла?» [1, с. 197–198].

Орнаментальное письмо всегда сакрализовано, оно шифрует некую тайну, хранимую не столько в значениях букв, сколько в их узорной семиотике. Буквенный орнамент из русских и эстонских букв важен своей полисемантической трактовкой. Подобная полисемантика присуща и армянскому миру-алфавиту в «Уроках Армении» А. Битова.

В художественной картине мира буква чаще всего становится эмблематикой национального образа «текст как мир». Алешковский не акцентирует буквенную семантику, ему важен геометрический узор буквенного кольца и обозначение национальной природы – кольцо эстонских и кольцо русских азбук. Битов находит особые «созвучия» в буквенной мелодике русской речи и армянского языка, в знаках их начертаний, созвучия единого проживания разных национальных историй, несущих идентичную трагедию своим народам. Оба писателя словно замыкают в единую спираль общей истории судьбы двух народов, пусть не в равной степени, но в равной трагедии отторгнутых от своих родовых корней – трагедии, осмысляемой как «свое через чужое / чужое через свое».

Транскультурный современный писатель Хамид Исмаилов в статье «Календарь Москвы заражен Кораном, или Советская империя в поэзии Бродского», которая была опубликована в Италии, в сборнике, посвященном 60-летию И. Бродского, а позднее на сайте «Собрания утонченных...», пишет о том, как именно *буквы русского алфавита* выполняют роль межъязыкового и транскультурного медиатора. Провиденция этого открытия пришла тоже через Армению: «... Однажды мне приснился сон. Будто бы Осип Мандельштам только что вернулся из своей поездки в Армению и что-то рассказывает мне. За его спиной в дверном косяке Москва 30-х, марширующие военные, тревога нарастающих шагов в сапогах. И здесь Мандельштам читает строки неизвестного мне поэта, и от их невозможной красоты я просыпаюсь. В тот же день я выяснил у своего друга-тюрколога, что и впрямь есть такой великий турецкий поэт XVIII века, поэт Эпохи Тюльпанов, когда Стамбул еще раз соединился с Европой. Потом я долго думал, почему еврей со слов армянина открыл мне – тюрку моего же поэта Надыма и не нашел ничего лучше, чем попенять на подсознание, которое скомбинировало из М-Н-Д Мандельштама подобное Н-Д-М Надыма» [5].

Так и в повести-притче Сухбата Афлатуни «Глиняные буквы, плывущие яблоки» буквы-образы обеспечивают «мироприемлющее начало» национального мироздания, которое определяется «уважительно-бережным отношением к живым человеческим душам, к тем феноменам национального бытия, которые обладают неоспоримой ценностью...» [7, с. 7]. Взаимодействие с чужой культурой, прорастание национального через инациональное предопределяет семантику сюжета поиска утраченного алфавита. *Глиняные буквы мусульманского алфавита*, кодирующие древнюю национальную семантику в ономастиконе, становятся образом изломанного современной историей национального миробытия. Новый учитель, воскресший дервиш, поможет вспомнить все буквы утраченного алфавита. Это образ Мессии, сотворяющего новый мир посредством букв. Вначале было слово...

В «путешествиях» в целом, и в особенности, в «Уроках Армении» Битов пишет на грани двух культур. В разрушении и непонимании мира «чужой» культуры видит писатель причину внутренней дисгармонии личности, ее деформацию, ведущих к энтропии мира человеческого. Если в «психологической прозе» А. Битов исследует социально-исторические аспекты становления личности в современную эпоху, то в «путешествиях» он переходит к анализу общечеловеческих проблем Культуры как экологии духовного мира, постигая роль человека в «общем» бытии. И важнейшим медиатором между человеком и бытием для русского писателя становится «божественный язык» армянского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алешковский П.* Рыба и другие люди. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. 540 с.
2. *Бабуханян З.* Как, если не через русский язык, мы будем представлять миру армянскую культуру – Амирханян. URL: <https://pressunity.org/archives/31746> (дата обращения: 05.05.2025).
3. *Битов А.* Уроки Армении // Битов А. Империя в четырех измерениях. III. Кавказский пленник. Харьков: Фолио; Москва: АСТ, 1996. 335 с.
4. *Иванова Н.* Точка зрения. О прозе последних лет. М.: Сов. писатель, 1988. 424 с.
5. *Исмаилов Х.* Календарь Москвы заражен Кораном, или Советская империя в поэзии Бродского. URL:

- <http://www.library.ferghana.ru/uz/br.htm> (дата обращения: 19.03.2018).
6. Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе: сборник. М.: Политиздат, 1991. 365 с.
7. Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 432 с.

REFERENCES

1. *Aleshkovskij P.* Ry`ba i drugie lyudi. Moscow, AST Publ., 2017. 540 p. (In Russ.)
2. *Babuxanyan Z.* Kak, esli ne cherez russkij yazy`k, my` budem predstavlyat` miru armyanskuyu kul`turu – Amirxanyan. URL: <https://pressunity.org/archives/31746> (data obrashheniya: 05.05.2025).
3. *Bitov A.* Uroki Armenii. *Bitov A.* Imperiya v chety`rex izmereniyax. III. Kavkazskij plennik. Xarkov: Folio Publ. Moscow, AST Publ., 1996. 335 p. (In Russ.)
4. *Ivanova N.* Tochka zreniya. O proze poslednix let. Moscow, Sov. Pisatel Publ., 1988. 424 p. (In Russ.)
5. *Ismajlov X.* Kalendar` Moskvy` zarazhen Koranom, ili Sovetskaya imperiya v poe`zii Brodskogo. URL: <http://www.library.ferghana.ru/uz/br.htm> (data obrashheniya: 19.03.2018).
6. Samosoznanie evropejskoj kul`tury` XX veka. My`sliteli i pisateli Zapada o meste kul`tury` v sovremennom obshhestve: sbornik. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 365 p. (In Russ.)
7. *Xalizev V.E.* Cennostny`e orientacii russkoj klassiki. Moscow, Gnozis Publ., 2005. 432 p. (In Russ.)

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ «ԱՍՏՎԱԾԱՅԻՆ ԼԵՉՈՒՆ».
Ա. ԲԻՏՈՎԻ ԱՏԵՂԾԱԳՈՐԾՈՒԹՅԱՆ «ԱԾԽԱՐՀՆԵՐԻ»
ՍԱՀՄԱՆՆԵՐԸ

Գ.Տ. ԳԱՐԻՊՈՎԱ

**Մոսկվայի քաղաքային մանկավարժական համալսարան,
 Ռուսաստանի ժողովուրդների բարեկամության համալսարան**

Հոդվածում վերլուծվում են մշակույթի մոդելավորման սկզբունքները հայոց այբուբենի «իմաստային տիեզերքի» տառի միջոցով ռուս գրող Ա. Բիտովի ստեղծագործություններում: Հեղինակը «Հայաստանի դասեր»-ում ուսումնասիրում է մշակույթների և գիտակցությունների երկխոսության աշխարհընկալող և խաղաղարար սկիզբը XX դարի ռուսական գրականության համատեքստում՝ հղումային կերպով ամրագրելով ազգային պատմությունների նույն տառային նշանները, որոնք կապված են քսաներորդ դարի աղետի պատմության հետ: Ա. Բիտովի, Պ. Ալեշկովսկու, Համիդ Իսմայիլովի, Սուխբատ Աֆլատունու ստեղծագործությունների հիման վրա հետևվում են միջմշակութային աշխարհի պատկերի տառային ենթատեքստերը՝ «սեփականը՝ ուրիշի միջոցով / ուրիշի՝ սեփականի միջոցով»:

Բանալի բառեր՝ Միխայիլ Ամիրխանյան, Հայաստան, այբբենական «իմաստային տիեզերք», տառ, բառ, Ա. Բիտով, Սուխբատ Աֆլատունի, Համիդ Իսմայիլով, Պյոտր Ալեշկովսկի:

**“DIVINE LANGUAGE” OF ARMENIA! BORDERS OF THE
 “WORLDS” OF A. BITOV'S CREATIVITY**

G.T. GARİPOVA

**Moscow City Pedagogical University,
 Peoples' Friendship University of Russia**

The article analyzes the principles of modeling of Culture through the letter “semantic Universe” of the Armenian alphabet in the works of the Russian writer A. Bitov. The author explores the world-accepting and peacemaking beginning of the dialogue of cultures and consciousnesses in “Lessons of Armenia” in the context of Russian literature of the XXth

century, referentially fixing the same letter signs of national histories associated with the narrative of the twentieth century catastrophe. Based on the works of A. Bitov, P. Aleshkovsky, Hamid Ismailov, Sukhbat Aflatuni, the letter connotations of the image of the transcultural world are traced – “one's own through someone else's / someone else's through one's own”.

Key words: *Mikhail Amirkhanyan, Armenia, alphabetical “semantic Universe”, letter, word, A. Bitov, Sukhbat Aflatuni, Hamid Ismailov, Peter Aleshkovsky.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 9 мая 2025 г., подписана к печати в № 2.CXXI (121).2025 30.10.2025